

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 931-939. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.931
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^b

^a Ugra State University, Russian Federation

^b Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the process of penetration of Islam into the life of Ob Ugrians from the point of view of their cultural and historical psychology. The authors rely on the theory of "poor living environment", proving that in the most difficult climatic conditions the human resource of Ob Ugrians was spent exclusively on survival, and it did not allow them to dynamically develop the existing elements of culture and create new ones in accordance with the level of their spiritual needs. Development proceeded on the "principle of complementarity", when the components of other cultures were borrowed, assimilated and accepted as their own. The authors believe that Islam became one of such important donor cultures due to the coincidence of a number of worldview with the Ob-Ugric culture and active missionary activity of the medieval Muslim States. In the XVII – early XX centuries, the process of the spread of Islam continued through the contacts of the Ob Ugrians with the Siberian Tatars, including through the conclusion of marriages. In the context of the Christianization of the XVIII – XIX centuries, the characteristics of Islam in the culture of the Islamized groups of Ob Ugric peoples began to die out, but partially preserved to the present time. However, the centuries-old influence of Muslims was so strong that some groups of Ob Ugrians disappeared, merged with the Muslim population of the region. The authors project the historical experience on the current situation, paying attention to the numerous facts of the marriage of Khanty and Mansi with Muslims who migrate to Ugra from the CIS countries and seek to gain a foothold in a new place, using social protection and the system of benefits provided to the families of indigenous small peoples of the North. This facilitates ethnic assimilation processes and poses a threat to the Ob-Ugric culture and identity.

Keywords: Islam, the Ob Ugrians, traditional culture, Ishtyake, Ostyaks, Voguls, Siberian Tatars, historical psychology, Shamanism, paganism.

1. Введение

Вопросы сохранения культуры коренных малочисленных народов Севера¹ имеют не только гуманитарную составляющую, но и практическую направленность. Справедливость как основа социально-экономических отношений, экология природопользования, стройность системы семейных ценностей, национально-религиозная и политическая толерантность – это далеко не полный перечень характеристик, свойственных культуре обских угров и позволяющих по-новому оценить современную реальность.

Устойчивость традиционной культуры хантов и манси не означает ее абсолютной защищенности от внешнего воздействия. Если в условиях христианизации XVIII–XIX вв. обско-угорская культура «устояла», перенея преимущественно внешние формы, то результаты более ранней исламизации отдельных групп остяков и вогулов оказались иными: магометанство проникло

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

¹ В статье применяется термин «обские угры», включающий народы ханты (остяки) и манси (вогулы).

настолько глубоко, что приобрело внутреннее содержание, и некоторые группы (например, «иштяки» – от «остяки») исчезли, слившись с мусульманами – предками сибирских татар (Исхаков, 2016: 278). Исследователи находят в антропологии сибирских татар до 40 % угорских черт, подчеркивая общность их культур и языка (Корусенко, 1998: Онина 2010 и др.). Некоторые группы исламизированных обских угров, не отказавшись от шаманизма, сохранили следы ислама до XX в. и частично – до настоящего времени. В частности, на рубеже XIX–XX вв. у них зафиксирован обычай «левирата» (брак с вдовой младшего брата) и «сорората» (женитьба на двух сестрах) (Сподина, 2011: 7), многоженство с ограничением в 4 жены (Дранкова, 2000: 150), похороны в день смерти (Исследователь Севера, 1995: 62) и т.д. Часть этих норм замечена этнографами в 1990-х гг.: например, обычай закрывать лицо у женщин (Кулемзин и др., 1992: 19).

В настоящее время наблюдается новый этап исламизации обских угров через браки с мусульманами – мигрантами из государств СНГ и южных регионов России (Еремеева, 2018: 74). В Уральском федеральном округе, в который входит Югра, с 1989 г. по 2010 г. число мигрантов из Средней Азии выросло на 70 %, с Северного Кавказа – в 2,4 раза, из Азербайджана – в 2,1 раза, достигнув к настоящему времени 300 тысяч по официальным данным и превысив 1 миллион человек с учетом мусульман из числа татар и башкир. Югра стала лидером по приему мигрантов-мусульман, доля которых в настоящее время составляет 16 % от общей численности населения (Малашенко и др., 2015: 6). Мигранты, заключая браки с представителями коренных малочисленных народов Севера, получают широкую систему льгот и социальной поддержки: бесплатное жилье, ежемесячные пособия и др. Но так как религия запрещает мусульманам вступать в брак с язычниками, то последним приходится включаться в исламскую культуру, что создает для них угрозу потери этнической и культурной идентичности.

Цель статьи: рассмотреть влияние культурно-психологических факторов на принятие ислама хантами и манси Югорского Севера в исторической ретроспективе.

2. Материалы и методы

Источники исследования включают 2 группы:

1) Коллекции и документы музеев Тюменской области, Государственного Эрмитажа, Государственного архива Тюменской области, характеризующие предметы мусульманского искусства с шаманских святилищ и факты исламизации обских угров. Тобольско-Тюменская епархия с XVIII в. фиксировала данные об остяках и вогулах, называющих себя мусульманскими именами, что позволяет определить ареал их расселения. Анализ предметов мусульманского искусства в языческих ритуалах дает возможность понять степень проникновения ислама в традиционные верования. Отдельную группу составляют предметы мусульманского культа, отражающие шаманизм, т.к. в традиционных обществах ислам поначалу приобретает причудливые формы местной этнической среды. Одним из таких экспонатов являются мусульманские четки из 99 пальцев медведя, соответствующие 99 Прекраснейшим Именам Аллаха, но созданные в рамках главного у обских угров культа медведя (Рис. 1).

2) Данные этнографических исследований XVIII–XX вв. на Югорском Севере в их сопоставлении с нормами магометанства. Обско-угорские легенды, мифы, сказания и другие источники этнографического, эпиграфического и филологического характера, существующие на сегодняшний день, представлены носителями культуры и исследователями как основа тысячелетней традиционной культуры, т.е. без учета произошедшего мусульманского воздействия. В сочетании с архивными материалами и предметами декоративного искусства этнографические источники позволяют выявить группы исламизированных обских угров.

Методологической базой исследования является теория «обедненной жизненной среды», в противоположность понятию «обогащенной жизненной среды», обоснованной психологом Г.Ю. Айзенком (Айзенк, 2005: 460). Народы, живущие в «обогащенной жизненной среде» (например, в Средиземноморье), развиваются в условиях природно-климатического комфорта и тратят значительно меньше жизненного ресурса для своего существования. У них формируется потребность и появляется возможность не только созидать (формировать прогрессивные технологии, архитектурные объекты и высокохудожественные произведения и др.), но и «делиться» созданным с другими народами через миссионерскую деятельность, политические и торговые связи.

Рис. 1. Мусульманские четки из пальцев медведя.
Музей татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области

В сложнейших природно-климатических условиях «обедненной жизненной среды» наблюдался противоположный процесс: усилия обских угров были направлены на борьбу за выживание, а не на созидание. В этих условиях исторически складывалась витальная дефицитарность, охватывающая подавляющее большинство сфер их жизненного уклада. Обские угры не могли позволить себе тратить жизненные силы на создание тех элементов культуры, которые не были напрямую связаны с выживанием. В результате у них шли процессы социокультурной ассимиляции, когда народ вынужден воспринимать, перерабатывать и включать в свою культуру (ассимилировать) готовые элементы чужих культур, принимая их как свои. Таким образом, в конфессиональном плане у обских угров реализовывался *принцип дополняемости* (Айзенк, 2005: 460), т.к. для восприятия элементов других религий всегда оставалось социокультурное пространство.

Сравнительно-исторический метод исследования позволил выявить наиболее общие черты ислама в различных группах обских угров в исторической ретроспективе; использование *метода актуализации* помогло увидеть возможную опасность для традиционной обско-угорской культуры со стороны современного исламского воздействия.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема пока не стала объектом интереса исследователей: в историографии отсутствуют работы не только по культурно-психологическим аспектам проблемы, но непосредственно по исламизации обских угров. В исследованиях встречается лишь упоминание данного исторического факта без какого-либо детального анализа (Ибрахимов, 1871 и др.). Однако ученым удалось обозначить приблизительный ареал расселения и возможные группы

исламизированных обских угров: это тавдинские манси, вторично принявшие ислам в XVII в. (Павловский, 1907); ханты и манси Туринского уезда (Долгих, 1960: 36), табаринские, тавдинские и отчасти кондинские манси Пелымского уезда (Главацкая, 2009: 102); также предполагается, что наиболее серьезному мусульманскому воздействию подверглись манси, жившие вдоль Туры и Тавды, и ханты бассейна Иртыша и его притоков (Главацкая, 2018). М.Ф. Косарев обращает внимание на наличие иранизмов в обско-угорских языках и трансформацию иранского бога Митры в хантыйского Мир-сусне-хум (Косарев, 1991: 194–195), что подтверждает концепцию культурных заимствований. В целом созданный научный задел позволяет говорить о реальности исторического факта исламизации хантов и манси на Югорском Севере и дает возможность обозначить культурно-психологические аспекты проблемы.

4. Результаты

Принятие обскими уграми ислама было обусловлено двумя факторами.

Прежде всего, шаманизм и ислам имеют ряд общих норм в мировоззренческих системах, что проявляется на разных уровнях культуры. Среди внешних совпадений можно отметить запрет на изображение лиц, геометрическую схожесть орнаментов, основанных на солярных знаках (Бортникова, 2017), культ жертвоприношений и др. Среди внутренних норм наблюдается общность представлений о социальной справедливости, схожесть социально-экономических отношений, отрицающих прибыль за счет банковских процентов (Науменко, 2017), и др. Совпадающие мировоззренческие представления лишь создавали условия для сближения носителей шаманской и мусульманской культур, но основополагающим фактором в восприятии ислама были особенности культурно-исторической психологии обских угров. Ориентация на выживание не позволяла поступательно развивать культуру за счет внутренних ресурсов, и появлялась объективная потребность в заимствованиях, которые также присутствовали на разных уровнях.

Прежде всего появлялись внешние заимствования, не приводящие к заметному проникновению исламского мировоззрения в духовную культуру обских угров: это использование лексики, произведений мусульманского искусства, предметов быта и монет. Примером лексической трансформации является слово «шайтан»: в переводе с арабского شيطان (shayTaан) – «Сатана, дьявол, шайтан» (Кольцова и др., 2015: 35). Шайтанами, но без негативного смысла, обские угры называли своих идолов. Идолопоклонничество – самый тяжкий грех в исламе, и при попытке исламизации одна из важнейших задач миссионеров – сформировать у язычников негативное отношение к идолам. Однако обские угры заимствовали слово «шайтан», вложив в него другой смысл, не имеющий отрицательного оттенка.

Заимствования в сфере материальной культуры были масштабнее. По территории Югры проходил древний караванный путь, который связывал Сибирь с восточными, в том числе мусульманскими, странами. Множество предметов доисламской и исламской восточных культур, найденных на капищах Югры, хранятся в крупнейших музеях мира: в Лувре, Метрополитен-музее, Британском музее и других, а также в коллекциях Эрмитажа – и относятся к его наиболее ценным фондам (Тревер и др., 1987).

Наибольшей популярностью среди хантов и манси пользовались серебряные тарелки (блюда) из Персии, Средней Азии и других регионов Востока, т.к. сюжетным образам на них придавался свой сакральный смысл. В частности, сидящий на троне царь с пышными волосами считался изображением длинноволосого бога Тэк-ики (Библийские цари, 2018). Среднеазиатский сюжет на легендарном нильдинском блюде понимался в шаманской интерпретации так: «Эта серебряная тарелка очень дорога. Очень много богов на ней есть. Тапал-торум на лошади сидит, сын его тоже на лошади сидит. С одной стороны, от него Мир-сусне-хум на лошади сидит, а сбоку от него сын Мир-сусне-хума на лошади сидит. Водяной царь старик посередине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Пятый человек тоже есть – Шахэл-торум, тоже на лошади сидит» (Бауло, 2018). Иногда изображения на блюдах дорисовывались с помощью местных способов гравировки. Например, на нильдинском блюде добавлены фигурки двух лосей (Бауло, 2018).

Два подобных предмета Тобольский губернский музей приобрел в с. Мужы на Ямале в 1897 г. (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4). Это серебряные подносы с арабскими надписями, найденные в бассейне р. Сынской (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.). По описанию музея, «...первое блюдо имеет форму четырехугольного глубокого подноса, по широкой кайме нанесена арабская надпись, означающая в переводе: "Благодать божия и господство да будет над эмиром праведным, венцом народов и светилой царства, Харезмшахом Абу Ибрахимом, преемником повелителя правоверных, да продлит Аллах жизнь его и возвысит власть его!"... На одном конце блюда пробиты два отверстия для привешивания» (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.). Второе блюдо было круглой формы, плоское, «из плохого серебра», диаметром 18 см., с изображением всадника... Изображение лошади сопровождалось богато украшенной сбруей. По мнению специалистов музея, это «работа поздняя и грубая, но по всей вероятности, исполненная... с дурно понятого образца» (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.).

Действительно, с оригиналов подобных предметов делались копии, которые также использовались для ритуалов. В качестве примера можно привести «двойники» с мансийских

святилищ: хорошо известные исследователям легендарные аниковское и нильдинское блюда с Северной Сосьвы; первое (копия) хранится в Эрмитаже, а второе (оригинал, найденный позднее) – в музее археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. При этом существовала легенда, что одинаковых блюд было семь (Бауло, 2018). Это легко объяснимо, т.к. обские угры их понимали как иллюстрации к сюжетам шаманизма, что объективно требовало копирования и распространения.

Получалось, что культура именно исламских (или будущих исламских) стран во многом формировала эстетические представления обских угров. Отчасти такое заимствование было случайным и обуславливалось этнической принадлежностью купцов и особенностью сюжетных изображений на поступавшей посуде. Но в целом использование предметов восточного декоративно-прикладного искусства объективно создавало базу для ислама, если не для его принятия сразу, то для формирования условий, при которых новая религия не отторгалась, а с учетом «обедненной жизненной среды» принималась как дополняющий фактор.

Проникновение ислама во внутреннее содержание обско-угорской культуры – следующий уровень трансформации верований и изменения культурно-религиозных ориентиров. Вначале это происходило под воздействием миссионеров из Средней Азии и Сибирского ханства, а с конца XVI до начала XX вв. – сибирских татар. Полагаем, что первоначально обские угры воспринимали ислам не для того, чтобы стать мусульманами, а чтобы наполнить свою культуру недостающими и просто более рациональными нормами, переработав их и включив в уже сложившуюся систему мировоззренческих ценностей и традиционных установок.

Наиболее актуальным этот процесс становился при изменении образа жизни, т.к. под влиянием тюрков-мусульман обские угры переходили к земледелию, сдвигая свой ареал расселения в южном направлении. Источники сохранили внешний облик таких хантов (Рис. 2): на литографии Винкельмана (XIX в.) изображены две женщины из обдорских остяков на фоне летнего сельскохозяйственного поля и деревенского дома. Одежда и обувь напоминают тюркскую с вкраплениями хантыйских орнаментов. Изображение стоящих рядом старой и молодой женщин отражает культурную преемственность поколений (Творчество народов, 1999: 186).

Рис. 2. Обдорские остяки. XIX в. Литография Винкельмана

В новых, более благоприятных условиях появлялась возможность содержать несколько жен, строить культовые помещения – прообразы мечетей, принимать иные правила социального общежития, которые в конечном итоге меняли конфессиональную и этническую самоидентификацию. Не случайно при вооруженном противостоянии с русскими миссионерами на стороне татар воевали остяки и вогулы, называя себя «басурманами»: в XVIII столетии в Сибири так называли мусульман (Старостин, 2018).

В целом эти элементы культурно-психологического своеобразия определяли детерминанты этнического поведения, ориентировали обских угров на учет и восприятие предельно большого круга явлений окружающей действительности. Получалось, что традиционные нормы, будучи стабильными в более благоприятных природно-климатических условиях, на территории Югры были подвержены изменениям (дополнениям) с гораздо большей скоростью, конечно, с сохранением базовых архаичных представлений, определявших главное содержание северных культур. Если в Тропической Африке для формирования афро-исламской культуры, не сделавшей африканцев мусульманами, а лишь обеспечившей сближение аборигенного и арабского миров, потребовалось около тысячи лет, то на Югорском Севере подобные процессы шли динамичнее. В качестве примера можно привести факт из христианизации, когда всего за 250 лет «неизвестный ранее Нуми-Торум, сидящий на небесах и меняющий погоду» превратился «...в центральную фигуру..., в абсолютное божество, которому, как считают ханты, подчиняются все: люди, животные, духи. Под влиянием христианства он стал стражем мирового порядка» (Кулемзин и др., 1992: 100). Полагаем, что в случае исламизации эти процессы могли проходить еще быстрее в силу благоприятных предпосылок.

Третий уровень религиозной трансформации – это освобождение сибирского ислама от архаичных элементов обско-угорской культуры: кукол-иттерм, идолов, культа медведя и проч. Но в XVIII–XIX вв. данный этап не был пройден не только по причине устойчивости этих представлений, но и в силу государственной политики, ориентированной за их закрепление в сибирском исламе (Bortnikova and al., 2016). Это, в свою очередь, создавало предпосылку для дальнейшего культурного сближения сибирских мусульман и тех групп обских угров, которые ислам не принимали. Но и здесь развитие шло не прямолинейно: даже в современных смешанных браках исследователями замечены случаи обращения мусульман в шаманизм (Еремеева, 2018: 74). Такие факты не являются эксклюзивными: этнографы и раньше приводили примеры, когда сторонниками шаманизма становились не только обычные прихожане, но и священники из православной миссии Тобольско-Тюменской епархии (Косарев, 1991: 196).

5. Заключение

Процесс формирования идентичности обско-угорских народов, рассматриваемый в рамках концепции «обедненной жизненной среды», выявляет интересные и содержательные характеристики их культурно-исторической психологии, способной ассимилировать компоненты других культур. Ислам оказался обским уграм ближе, чем другие привнесенные в Югру монотеистические религии, и в результате слияния с тюркско-мусульманским населением некоторые этнические общности исчезли. Оставшиеся, известные нам как коренные малочисленные народы Севера, не успели испытать регулярное воздействие ислама в силу сложноступенных для миссионеров ареалов обитания, а также политики христианизации и атеизма. Однако в Югре начало XXI в. ознаменовалось новым этапом «мусульманского Ренессанса»¹: из-за масштабных миграционных потоков обские угры опять попадают под влияние ислама. Это может привести к двум процессам, которые уже имели место в истории: во-первых, к постепенной ассимиляции традиционных культур и, во-вторых, к смещению ряда мусульманских представлений у самих мигрантов.

Литература

- Айзенк, 2005 – Айзенк Г. Психология паранормального. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 640 с.
 Бауло, 2018 – Бауло А.В. Легендарное нильдинское блюдо [Электронный ресурс]. URL: <https://scfh.ru/papers/legendarnoe-nildinskoe-blyudo/> (дата обращения: 20.04.2018).
 Библейские цари, 2018 – Библейские цари на хантыйском святилище [Электронный ресурс]. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43457334411/Bibleyskie-tsari-na-hantyiyskom-svyatilishe> (дата обращения: 20.04.2018).
 Бортникова, 2017 – Бортникова Ю.А. Исламо-угорский синкретизм в оформлении "Грамоты хранителя Юрумской астана" // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017. Т. 11. № 1. С. 147–153.
 ГАТО – Государственный архив Тюменской области.
 Главацкая, 2009 – Главацкая Е.М. Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 2 (23). С. 100–108.
 Главацкая, 2018 – Главацкая Е.М. «... И Сибирскому государству никого повреждения не учинить» (Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII – XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23861/1/iurg-2004-31-07.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

¹ Термин, применяемый к периодам активного распространения мусульманской культуры.

- Долгих, 1960** – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Института этнографии народов Севера. Т. 55. М., 1960. С. 36–46.
- Дранкова, 2000** – Дранкова О.О. Структурно-демографическая характеристика хантыйской семьи в конце XVIII – середине XIX вв. / Народы Севера России. М., 2000. С. 150–155.
- Еремеева, 2018** – Еремеева О.И. Религиозно-нравственное воспитание коренных народов Севера в XX в. / Академическая среда российских университетов. Тюмень: ООО «Международный институт, 2018. С. 66–76.
- Исследователь Севера, 1995** – Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. Тобольск: ТГИАМЗ, 1995. 191 с.
- Исхаков, 2016** – Исхаков Д. Иштыякская общность Приуралья в Средневековье / История татар Западного Приуралья. Т. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.
- Кольцова и др., 2015** – Кольцова Л. М., Эль-Мсафер Х.А. Слова «джинн» и «шайтан» глазами русских и арабов // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 32–36.
- Корусенко, 1998** – Корусенко С.Н. Генеалогические исследования сибирских татар: итоги и перспективы / Сибирские татары. Омск: Омский государственный педагогический университет, 1998. С. 88–90.
- Косарев, 1991** – Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Кулемзин и др., 1992** – Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 136 с.
- Малашенко и др., 2015** – Малашенко А., Старостин А. Ислам на современном Урале. М.: Московский центр Карнеги, 2015. 29 с.
- Онина, 2010** – Онина С.В. Лексико-семантические группы названий оленя (на материале сынского говора шурьшкарского диалекта хантыйского языка) // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1 (2). С. 67–78.
- Науменко, 2017** – Науменко Е.Е. Введение денежного обращения у коренных народов Югорского Севера: опыт Екатерины II // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 107–120.
- Павловский, 1907** – Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография Импер. Ун-та, 1907. 229 с.
- Старостин, 2018** – Старостин А.Н. Ханты и манси тоже когда-то были мусульманами / Исламский официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam.ru/content/history/30976> (дата обращения: 24.04.2018).
- Сподина, 2011** – Сподина В.И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов Севера: этнические категории нравственности // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 12 (227). Вып. 45. С. 5–9.
- Творчество народов, 1999** – Творчество народов Тюменской области. М.: Советский спорт, 1999. 256 с.
- Тревер и др., 1987** – Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 240 с.
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A. Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region) // *Bylye Gody*. 2016. № 40 (2). pp. 356–362.
- Ибрахимов, 1871** – Ибрахимов Г. Дәүре Галәм, 1871. / Китапны басмага эзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p.

References

- Ajzenk, 2005** – Ajzenk G. (2005). Psihologiya paranormal'nogo [Psychology of the paranormal]. М.: Eksmo, 2005. 640 p. [in Russian]
- Baulo, 2018** – Baulo A.V. (2018). Legendarnoe Nil'dinskoe blyudo [The Legendary During the dish]. [Electronic resource]. URL: <https://scfh.ru/papers/legendarnoe-nildinskoe-blyudo/> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Biblejskie tsari** – Biblejskie tsari na khantyjskom svyatilishe [Biblical kings at the Khanty sanctuary]. [Electronic resource]. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43457334411/Biblejskie-tsari-na-hantyjskom-svyatilische> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A. (2016). Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region). *Bylye Gody*. № 40 (2). pp. 356–362.
- Bortnikova, 2017** – Bortnikova Yu.A. (2017). Islamo-ugorskij sinkretizm v oformlenii "Gramoty hranitelya YUrumskoj astana" [Islam-Ugric syncretism in the design of the "Letters of the guardian of the Yurum Astana"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. Т. 11. № 1. pp. 147–153. [in Russian]
- Dolgikh, 1960** – Dolgikh B.O. (1960). Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Patrimonial and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. *Trudy Instituta etnografii narodov Severa*. Т. 55. М. pp. 36–46. [in Russian]

- Drankova, 2000** – *Drankova O.O.* (2000). Strukturno-demograficheskaya kharakteristika khantyjskoj sem'i v kontse XVIII – ceredine XIX v. [Structural and demographic characteristics of the Khanty family in the late XVIII–mid XIX century]. *Narody Severa Rossii*. M. pp. 150–155. [in Russian]
- Eremeeva, 2018** – *Eremeeva O.I.* (2018). Religiozno-nravstvennoe vospitanie korennyh narodov Severa v XX v. [Religious and moral education of the indigenous peoples of the North in the XX century]. *Academic environment of Russian universities*. Tyumen': OOO «Mezhdunarodnyi institut. pp. 66–76. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [The Public Archive of the Tyumen region]. [in Russian]
- Glavatskaya, 2009** – *Glavatskaya E.M.* (2009). Pravoslavnaya kolonizatsiya i izmenenie religioznogo landshafta Urala v XVIII v. [Orthodox colonization and changing religious landscape of the Urals in the XVIII century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. № 2 (23). pp. 100–108. [in Russian]
- Glavatskaya, 2018** – *Glavatskaya E.M.* (2018). «... I Sibirskomu gosudarstvu nikogo povrezhdeniya ne uchinit'» ["... And the Siberian state anyone not damage you inflict"]. [Electronic resource]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23861/1/iurg-2004-31-07.pdf> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Iskhakov, 2016** – *Iskhakov D.* (2016). Ishtyakszkaya obshchnost Priuralya v Srednevekovje [Ishtyak community of the Urals in the middle Ages]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*. T. 1. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. pp. 278–295. [in Russian]
- Issledovatel' Severa, 1995** – Issledovatel' Severa Aleksandr Dunin-Gorkavich. [North Explorer Aleksander Dunin-Gorkavich]. Tobolsk: THIES, 1995. 191 p. [in Russian]
- Koltsova i dr., 2015** – *Koltsova L.M., El-Msafer H.A.* (2015). Slova «dzhinn» i «shajtan» glazami russkikh i arabov [The Words "Jinn" and "Satan" in the eyes of Russian and Arabs]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. № 2. pp. 32–36. [in Russian]
- Korusenko, 1998** – *Korusenko S.N.* (1998). Genealogicheskie issledovaniya sibirskikh tatar: itogi i perspektivy. [Genealogical research of Siberian Tatars: results and prospects]. *Sibirskie tatary*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. pp. 88–90. [in Russian]
- Kosarev, 1991** – *Kosarev M.F.* (1991). Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda [The Ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. M.: Nauka. 302 p. [in Russian]
- Kulemzin i dr., 1992** – *Kulemzin V.M., Lukina N.V.* (1992). Znakom'tes': Khanty [Meet the hunts]. Novosibirsk: VO «Nauka». 136 p. [in Russian]
- Malashenko i dr., 2015** – *Malashenko A., Starostin A.* (2015). Islam na sovremennom Urale [Islam in the modern Urals]. M.: Moskovskii tsentr Karnegi. 29 p. [in Russian]
- Naumenko, 2017** – *Naumenko E.E.* (2017). Vvedenie denezhnogo obrascheniya u korennykh narodov Yugorskogo Severa: opyt Ekateriny II [Introduction of money circulation among the indigenous peoples of the Yugra North: the experience of Catherine II]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. T. 11. № 2. pp. 107–120. [in Russian]
- Onina, 2010** – *Onina S.V.* (2010). Leksiko-semanticheskie gruppy nazvaniy olenya (na materiale synskogo govora shuryshkarskogo dialekta khantyyskogo yazyka) [Lexico-semantic group of the names of the reindeer (on the material of sunskogo dialect Shuryshkarsky dialect of the Khanty language)]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. № 1 (2). pp. 67–78. [in Russian]
- Pavlovskij, 1907** – *Pavlovskij V.* (1907). Voguly [Voguly]. Kazan': Tipolitografiya Imper. Un-ta. 229 p. [in Russian]
- Spodina, 2011** – *Spodina V.I.* (2011). Mnogozhenstvo kak forma brachnykh obychaev korennykh narodov Severa: ehtnicheskie kategorii nravstvennosti [Polygamy as a form of marriage customs of indigenous peoples of the North: ethnic categories of morality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. № 12 (227). Vyp. 45. pp. 5–9. [in Russian]
- Starostin, 2018** – *Starostin A.N.* (2018). Khanty i mansi tozhe kogda-to byli musul'manami [Khanty and Mansi too was once a Muslim]. [Electronic resource]. URL: <http://www.islam.ru/content/history/30976> (date of the address: 24.04.2018). [in Russian]
- Trever i dr., 1987** – *Trever K.V., Lukonin V.G.* (1987). Sasanidskoe serebro: Sbranie Gosudarstvennogo Ehrmitazha. [Sasanian silver: collection of the state Hermitage]. M.: Iskusstvo. 240 p. [in Russian]
- Tvorchestvo narodov, 1999** – *Tvorchestvo narodov Tyumenskoi oblasti* [Creativity of the peoples of the Tyumen region]. M.: Sovetskii sport, 1999. 256 p. [in Russian]
- Ибрахимов, 1871** – *Ибрахимов Г.* Дәүре Галәм. [East Star], 1871. Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p. [in Tatar]

Обские угры-мусульмане: историко-психологические факторы проникновения ислама в традиционную культуру

Ольга Николаевна Науменко ^{a,*}, Евгений Александр Науменко ^b

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена процессу проникновения ислама в жизнь обских угров с точки зрения их культурно-исторической психологии. Авторы опираются на теорию «обедненной жизненной среды», доказывая, что в сложнейших климатических условиях человеческий ресурс обских угров тратился исключительно на выживание, и это не позволяло им динамично развивать уже существующие элементы культуры и создавать новые в соответствии с уровнем своих духовных потребностей. Развитие шло по «принципу дополняемости», когда компоненты других культур заимствовались, ассимилировались и принимались как свои. Авторы считают, что одной из таких важнейших культур-доноров стал ислам по причине совпадения ряда мировоззренческих установок с обско-угорской культурой и активной миссионерской деятельностью средневековых мусульманских государств. В XVII – начале XX вв. процесс распространения ислама продолжился через контакты обских угров с сибирскими татарами, в том числе через заключение браков. В условиях христианизации XVIII – XIX вв. черты магометанства в культуре исламизированных групп обских угров начали затухать, но частично сохранились до настоящего времени. Однако многовековое влияние мусульман оказалось настолько сильным, что некоторые группы обских угров исчезли, слившись с тюркским населением региона. Авторы проецируют исторический опыт на современную ситуацию, обращая внимание на многочисленные факты заключения браков хантов и манси с мусульманами, которые мигрируют в Югру из стран СНГ и стремятся закрепиться на новом месте, используя социальную защиту и систему льгот, предусмотренную семьям коренных малочисленных народов Севера. Это содействует процессам этнической ассимиляции и создает угрозу обско-угорской культуре и идентичности.

Ключевые слова: ислам, обские угры, традиционная культура, иштяки, остяки, вогулы, сибирские татары, историческая психология, шаманизм, язычество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)